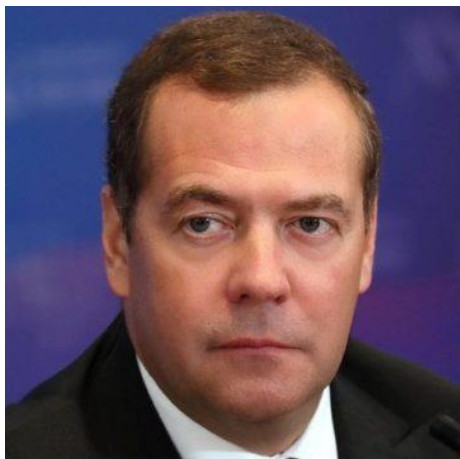

17.06.2020

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ НОВОГО

КОРОНАВИРУСА

Мнения

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ

Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации.

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещён, его низ не затемнён. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Лао-Цзы

Дао Дэ Цзин

Несколько месяцев назад, когда из китайского Уханя начали приходить первые новости о заболевших неизвестным коронавирусом, никто не мог себе представить, что болезнь, скрывающаяся сейчас за аббревиатурой COVID-19, окажет такое влияние на человечество.

Миллионы заболевших и сотни тысяч погибших. Работающие на пределе своих возможностей системы здравоохранения. Врачи, не знающие отдыха и сна. И всё это – на фоне апокалиптических картин пустых городов, замерших аэропортов, неработающих предприятий и организаций, закрытых границ и, как следствие, несущихся под откос национальных экономик. Кризис не просто подверг огромной опасности жизни миллионов людей, он обнажил риски, к которым оказались не готовы самые передовые, самые технологичные государства. Нанёс сильнейший удар по глобализации, считавшейся основой межгосударственного взаимодействия в XXI веке.

Сегодня усилия учёных, аналитиков, управленцев и политиков всех государств направлены на выяснение того, с чем мы столкнулись. Является ли вирус рукотворным или естественным, а значит – имеющим первичных биологических носителей? Кто виноват в быстром распространении пандемии? И главное – что делать? Как отвечать на эту общемировую проблему? Нужны вакцины и лекарства от вируса. Но сильнодействующие препараты необходимы и для мировой экономики, и для экономик отдельных государств. Помощь и поддержка требуются огромному числу людей. Колоссальные средства понадобятся для оживления хозяйственной жизни. Не менее существенен вопрос о том, сколько это всё будет длиться. Накроет ли мир вторая волна эпидемии и, если да, то когда? Сформируется ли у населения планеты в скором будущем популяционный иммунитет? Вопросы множатся и множатся. Поистине, кризис стал экзистенциальным для всех.

На перечисленные вопросы нет лёгких ответов. А на некоторые из них, я почти уверен, мы не сможем ответить никогда. Но сейчас, наверное, важнее всего не просто сами ответы, а согласованная всеобщая работа над выходом из самого масштабного – и действительно глобального – кризиса, аналогов которому не было в новейшей истории. Риски, которые он создал, чрезвычайно высоки. Именно поэтому необходимо глобальное сотрудничество в сфере безопасности в самом широком смысле.

Выдающийся русский учёный Константин Циолковский говорил: «В Золотой век войдут люди, которые научатся объединяться...». Человечество не раз подтверждало справедливость этого изречения. В Средние века эпидемии чумы оказали огромное влияние на развитие медицины и государственного управления. В XIX столетии таким мощным катализатором оказалась холера, в начале XX века – «испанский» грипп. Только благодаря международному сотрудничеству возникли санитарные конференции, на которые съезжались врачи, эпидемиологи, демографы, чтобы выработать эффективное противодействие болезням. Именно их совместная работа позволила основать в 1948 г. Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), создать линейку препаратов, которые сейчас принято называть антибиотиками.

Однако в те времена на организацию и институционализацию такого взаимодействия уходили годы и десятилетия. Отсутствовали средства оперативного распространения информации, да и мир в целом был очень далёк от уровня современных коммуникаций. Сегодня он гораздо более взаимосвязан, а цифровые технологии дают человечеству почти безграничные возможности для взаимодействия без потери времени, которое, как мы ещё раз убедились, слишком дорого.

Каковы основные риски, с которыми столкнулся мир и отдельные страны, включая Россию? И какие формы совместной работы в сфере глобальной безопасности необходимы?

Первое – это сотрудничество для обеспечения не только *глобальной*, но и *бытовой* безопасности человека. Всех нас – и каждого в отдельности. Как бы банально

это ни звучало, пандемия не имеет границ. И поэтому её невозможно победить в отдельно взятой стране даже при закрытых рубежах, отмене транспортного сообщения и иных коммуникаций между людьми. В Средние века город, в котором поселилась чума (по сути – крепость), полностью блокировали, а большинство его жителей были обречены на гибель.

Мы живём в принципиально иной реальности. Поэтому ответ на все проблемы пандемического кризиса должен быть универсальным. Это предполагает постоянное и полноценное взаимодействие между государствами, правительствами и компаниями.

Это должно быть разумно открытое сотрудничество. Об этом сейчас говорят все. Вопрос – в мере открытости. Каждая страна и каждая компания понимают её по-своему. Разумеется, исходя из соображений национальной или корпоративной безопасности многое всё равно останется конфиденциальным. Но в целом ряде случаев государствам придётся пойти на прямое сотрудничество, которое я бы назвал «вынужденным». Например, обязательное взаимодействие в ходе прививочной кампании от *COVID-19*. Когда появятся подходящие вакцины, они должны быть использованы почти одновременно на всех континентах, прежде всего – по соображениям национальной безопасности. Вряд ли кому-то захочется иметь соседа, который способен в любой момент закинуть вам во двор «коронавирусную бомбу». Или вопрос об исследовательской работе, которая ведётся в определённых лабораториях, в том числе тех, которые США разместили по всей планете. Их деятельность не должна вызывать подозрений, иначе при новой вспышке любой инфекции (а в том, что такие вспышки будут, никто не сомневается) станут выдвигаться бесконечные взаимные претензии, выстраиваться конспирологические теории, вводиться перекрёстные санкции. А так недалеко и до прямого конфликта. Все примутся подозревать друг друга во всём, каждый новый вирус будет объявляться биологическим оружием. Это рискует спровоцировать невероятную международную напряжённость, которая легко может перерасти в полноценную, а не так называемую «гибридную» войну.

Здесь необходимы разумная прозрачность и согласованная верификация. Россия сохраняет приверженность такому важному международному документу, как Конвенция о запрещении биологического оружия. В настоящий момент это соглашение, единственное в своём роде, нуждается в основательной доработке с учётом современных реалий. К сожалению, не все наши партнёры с этим согласны. Например, США ратифицировали Конвенцию в 1972 г., однако сейчас проверить её исполнение Вашингтоном с помощью международно-правовых средств не представляется возможным. Наши американские коллеги отказались в 2001 г. принимать соответствующий протокол к Конвенции и

перестали разрешать у себя проверки. Сегодня Россия призывает к выполнению положений Конвенции в полном объёме. Тем самым напоминая мировому сообществу о недопустимости использования биологического оружия. Надеюсь, в Вашингтоне услышат позицию нашей страны и будут вести более открытый и заинтересованный диалог с государствами – участниками Конвенции. Несомненно, по окончании пандемии потребуется пересмотреть принципы международного сотрудничества в области биологических исследований. Соответствующая работа возможна и на площадках таких организаций, как ООН, включая её институт ВОЗ. А также на региональных площадках, таких, как ОДКБ и ШОС, которые уделяют значительное внимание разным аспектам безопасности.

Закрытые исследования были и будут – как для обеспечения государственной безопасности, так и в корпоративных интересах. Но нужны согласованные странами протоколы: как действовать при возникновении угрозы пандемии, о чём информировать партнёров по международному сообществу и ВОЗ. Тогда не будет бесконечных разборок по поводу того, кто был пресловутым нулевым пациентом, кто и что скрыл, что было сделано, а что нет.

Понятно, что сегодня расследования о причинах пандемии – часть внутренней политики отдельных стран, которая служит основой для избирательных кампаний. В результате появляются и «подследственные» государства, на которые перекладывается ответственность за провалы в экономике и борьбе с коронавирусом на своей территории. Обозначаются триллионные суммы претензий. Это тупиковый путь, который никому не поможет, даже в ходе выборов. Гораздо продуктивнее обеспечить полноценную платформу для сотрудничества врачей, учёных, лабораторий и целых компаний, чтобы получить коллективный результат. Ведь на выработку действительно эффективной вакцины и группы противовирусных препаратов уйдёт немало времени. И вклад каждой страны, её ученых и компаний может быть поистине уникальным.

Ещё раз подчеркну: начиная эту работу, необходимо наладить открытое и энергичное взаимодействие практически всех стран по линии власти, науки и бизнеса на современной международно-правовой основе. Пока же политическое сотрудничество серьёзно отстаёт от экспертного диалога, в котором участвует уже более 70 государств. Политики могут записать себе в плюс только оперативное оказание гуманитарной помощи наиболее пострадавшим от пандемии странам, что, конечно, немало. Но уверен, что сглаживание политических противоречий, мешающих полноценному международному диалогу, по крайней мере в период борьбы с пандемией, стимулировало бы межгосударственное сотрудничество и позволило бы сэкономить много времени и сил. Неслучайно Россия практически сразу после начала пандемии выступила с инициативой о снятии санкций, чтобы облегчить наиболее пострадавшим странам доступ к необходимой помощи. Нас сразу же обвинили в том, что мы преследуем какие-то собственные интересы, хотя в резолюции речь шла не о России, а о тех государствах, которые находятся в крайне тяжёлом положении (например, о Венесуэле или Иране). США, страны ЕС, Великобритания, Украина и Грузия немедленно заблокировали в

Генеральной ассамблее ООН проект российской резолюции. И это решение в период пандемии нельзя назвать иначе, как аморальным и безответственным.

Второе – координация усилий мирового сообщества в *правоохранительной сфере*. Любой кризис активно провоцирует деструктивные силы, а риски использования экстремистами болевых точек цивилизации, угрозы терактов возрастают многократно. *COVID-19* по понятным причинам вынуждает спецслужбы интенсифицировать работу, прежде всего, для сохранения стабильности внутри своих стран. Но, как бы ни было трудно сейчас, нельзя ослаблять глобальное антитеррористическое взаимодействие между спецслужбами. Пандемия коронавируса со всей очевидностью доказывает, насколько чувствительно для человечества моментальное заражение миллионов людей. Это, в свою очередь, может стать побудительным мотивом для использования крайне опасных технологий биотерроризма. Именно поэтому необходим максимально жёсткий контроль государства за биотехнологиями и биолабораториями. А также – сотрудничество специальных служб для предотвращения терактов с использованием биологических агентов.

Пандемия также привела к всплеску виртуальной преступности. Сегодня, когда люди в повседневной жизни всё больше и больше используют цифровые решения, а компании переходят на удалённый режим работы, открывая доступ к своим внутренним данным, кибермошенникам, хакерам и продавцам контрафактной продукции всё легче искать своих жертв. Интернет продолжает становиться более открытым, и это несёт огромные риски, делает Всемирную сеть идеальным полем для преступных сообществ. Ещё недавно было трудно представить, что крупнейшие компании полностью перейдут на формат совещаний в режиме онлайн, например, с помощью Zoom. А любая программа имеет и свои особенности, позволяющие решать далеко не высоконравственные задачи.

Не менее активно в период пандемии человечество стало переводить в цифровую сферу торговлю. Речь идёт как о бытовых покупках через интернет-магазины, так и о масштабных сделках, заключаемых в цифровой форме с использованием соответствующих способов оплаты. Объём такой торговли измеряется сотнями миллиардов долларов и будет расти независимо от траектории развития инфекции. Это уже необратимый процесс. Но оборот станет набирать и киберпреступность, создавая всё новые мошеннические схемы, на которые правоохранительным структурам придётся очень быстро реагировать. Причём в силу трансграничного характера сделок потребуются новые формы сотрудничества правоохранителей разных стран и самые современные технологические средства выявления и фиксации преступлений.

Мы в России активно работаем над развитием национальной системы кибербезопасности, в том числе по линии Совбеза и силовых структур. И призываем мировое сообщество к более тесному сотрудничеству для обеспечения глобальной безопасности в цифровом мире.

Нам всем совместно пора принять новые законы и международные конвенции о противодействии терроризму и преступности в цифровом пространстве. Такая работа уже ведётся, но её следует ускорить.

Третье – обеспечение устойчивого, а стало быть, относительно безопасного *функционирования мировой экономики и национальных экономик*. Пандемия *COVID-19* создала беспрецедентные проблемы и для мировой экономики. Нет ни одной страны, которая не ощутила бы на себе последствий коронавируса. Некоторые государства уже объявляют дефолты по своим обязательствам, банкротятся крупные транснациональные компании. По данным Международного валютного фонда, в 2020 г. из-за кризиса мировую экономику ждёт спад до 3% по отношению к 2019 году. Это максимальная величина падения мирового ВВП со времён Второй мировой войны. Для сравнения: во время последнего глобального финансово-экономического кризиса в 2008–2009 гг. максимальное годовое падение составляло всего лишь 0,1%.

Принципиальной особенностью нашего времени стало то, что экономическая логика оказалась подчинена медицинской. А выбор экономической политики стал, по сути, выбором между экономическим ростом и сохранением жизни людей, что определяется традициями и уровнем доверия в каждом обществе. Однако длительная экономическая деградация также чревата человеческими жертвами.

Что это значит с точки зрения задач, стоящих перед экономикой? Как минимум, в краткосрочной перспективе ВВП перестанет быть критически значимым критерием для оценки динамики развития. Причём проблема заключается не столько в масштабе спада, сколько в его продолжительности. При глубоком, но недолгом спаде естественен отскок с последующим ростом, которому могут даже не потребоваться инвестиции. Наиболее опасен именно длительный застой, провоцирующий разрушение инфраструктуры и деградацию всех уровней жизни человека.

Россия, безусловно, не сможет избежать всеобщей экономической рецессии. По прогнозу Минэкономразвития, ВВП страны в 2020 г. упадёт на 5%, ожидаются снижение реальных доходов на 3,8% и рост безработицы до 5,7% – максимума за 9 лет. Сегодня наша страна испытывает воздействие сразу трёх экономических шоков. Во-первых, падение нефтяных цен на мировом рынке. Это самый главный шок, так как отечественная экономика сохраняет зависимость от экспорта углеводородов. Однако за последние 20 лет Россия трижды выдерживала такие удары – как на исходе XX века, так и в 2008–2009 и в 2014–2015 годах. А значит нетрудно просчитать влияние этого шока на экономику и определить наиболее действенные меры для снижения негативных последствий. Основной отрицательный эффект следует ожидать в 2020 г., тогда как в следующем экономика

сможет в целом адаптироваться к новым условиям, независимо от динамики цен на нефть.

А вот второму, внутреннему шоку, который стал следствием регуляторных решений со стороны государства, пытающегося замедлить распространение коронавирусной инфекции, аналогов практически нет. Внешне он чем-то напоминает ситуацию начала 1990-х гг., когда из экономического процесса выпадали отдельные субъекты хозяйственной деятельности, что приводило к разрыву сложившихся связей. Но это сравнение – крайне условное. Нынешние проблемы в реальном секторе экономики, на рынке труда, в социальной сфере и банковском секторе имеют особую природу, и привычные подходы к анализу экономических и финансовых кризисов здесь не годятся. Закрывание предприятий некорректно объяснять недостаточной конкурентоспособностью компаний или товаров – ведь это, прежде всего, результат внеэкономических решений. Причём в условиях карантина максимальные ограничения относятся к сфере услуг, где производственные цепочки, как правило, простые и короткие (малый бизнес, сфера услуг). Следовательно, время спада может быть ограничено периодом сохранения регуляторных решений, а восстановление экономики начнётся достаточно быстро. Если, конечно, новые волны эпидемии не приведут к очередному витку вынужденных ограничений.

И, наконец, налицо третий шок, который связан со снижением зарубежного спроса на широкий круг отечественных товаров из-за замедления мировой экономики. Подобная ситуация наблюдалась в 2008–2009 гг. во время глобального финансово-экономического кризиса. Масштабы нынешнего снижения объёмов российского экспорта можно оценить, сравнив их с тем периодом. Сегодня сокращение торговли и спроса в мире – также во многом следствие ограничительных мер и временного разрыва хозяйственных и логистических связей. Поэтому продолжительность такого падения, возможно, будет ограничена сроком действия строгих карантинных мер, после чего спрос восстановится. Но и здесь есть угроза новой вспышки пандемии, которая способна нанести по мировой экономике сокрушительный удар, сопоставимый лишь с мировыми войнами.

Скорость восстановления спроса зависит и от состояния мировой экономики перед шоком. В 2007–2008 гг. она была в значительной степени «перегрета» после десятилетия быстрого роста и до настоящего времени росла достаточно медленно. Поэтому, если пандемия постепенно пойдёт на убыль, глубина спада после первого витка ограничений на ведение бизнеса, вероятно, не будет нарастать. А последующее возвращение к «естественному» уровню спроса может стать достаточно быстрым. Однако его расширение едва ли превысит объёмы спроса и торговли докризисного уровня.

Текущая неблагоприятная ситуация может спровоцировать и новый финансовый кризис в одной или нескольких странах. Это, в свою очередь, окажет давление на финансовый и валютный рынки России, а также вызовет дополнительное снижение спроса на российский экспорт. Вероятность такого шока повышается со временем, и в 2021 г. риск будет выше, чем в 2020-м. К этому мы также должны быть готовы.

Важно, что Правительство одобрило антикризисный план и представило его Президенту. Сейчас главное – его реализация с возможными коррективами по ходу исполнения. Необходима развёрнутая поддержка граждан и компаний, которая позволит избежать резкого сокращения совокупного спроса и предложения, предотвратить рост бедности. Потом должен произойти перезапуск экономики, включая выполнение национальных проектов в скорректированном виде. И на следующем этапе – запуск новой модели экономического роста, сопровождаемый структурными реформами.

При этом фактор пандемии значительно затрудняет прогнозирование любых экономических процессов. Поэтому сейчас назову лишь некоторые *принципы социально-экономической политики на первом этапе* – открытия экономики. Во-первых, постепенное снятие всех ограничений, ориентиром для чего являются готовность и оснащённость медицины для борьбы с пандемией. Во-вторых, поддержка людей, которая, в том числе, должна касаться наёмных работников и индивидуальных предпринимателей. Отсюда вытекает и необходимость реформы трудового законодательства, включая институт удалённой занятости. В-третьих, работа, направленная на стимулирование предложения, – посредством, прежде всего, снижения издержек, которые испытывают компании в связи с ведением бизнеса. Малому предпринимательству, возможно, понадобятся дополнительные меры поддержки в момент снятия карантина. В-четвёртых, дальнейшее упорядочение контрольно-надзорной деятельности. В-пятых, максимально возможное в текущей ситуации сохранение бюджетных обязательств, включая инвестиционные.

Конечно, объём мер государственной поддержки должен быть по возможности сопоставим с масштабами потерь экономики и благосостояния граждан. Но очевидно, что жизнь окажется сложнее и внесёт неизбежные коррективы даже на первом этапе выхода из кризиса.

Концентрируясь на проблемах противодействия пандемии и связанному с ней экономическому кризису, важно не упускать из виду долгосрочные вызовы и задачи. Неопределённость и непредсказуемость в глобальной экономике, которые наблюдались в последние годы, получили наивысшее воплощение. На наших глазах формируются новые институты и механизмы общественной и экономической жизни, в основе которых лежат новейшие технологические решения.

Уже сейчас следует начать детальный анализ решений, связанных с созданием новых антикризисных институтов. Понять, какие институты носят краткосрочный характер, и от них желательно затем отказаться, а что действительно является прорывом в будущее.

«Цифра», несомненно, станет важнейшим фактором экономического, социального и политического развития в постпандемийном мире. Но критически важно провести чёткое разграничение между благами, которые даёт цифровизация, и угрозой появления «цифрового Большого Брата», ограничения фундаментальных прав и свобод человека.

Экономическая эффективность, которую несёт цифровизация, не может быть куплена ценой «цифрового тоталитаризма».

Особый вопрос – об организации производства в новых условиях. Предстоит пересмотреть многие нормы ведения бизнеса с учётом эпидемиологических рисков, что, скорее всего, повысит издержки в экономике. Вместе с тем цифровые технологии несут в себе возможности компенсации этих издержек. Но это повлечёт за собой выработку новых структурных и институциональных решений. «Регуляторная гильотина» в этих условиях не уходит на периферию – напротив, актуальность её резко возрастает. Ведь «цифра» не только позволяет, но и требует решительного отказа от устаревших и сковывающих социально-экономический рост форм контроля и надзора.

Пандемия предъявила новые требования к функционированию секторов, непосредственно определяющих условия жизни человека, – образование и здравоохранение, условия труда и отдыха, система мотивации. И многое, многое другое. Предстоит осмыслить долгосрочную роль «цифры» во всех этих сферах, причём так, чтобы качество их работы существенно возрастало. Ведь именно человеческий капитал (или, точнее, человеческий потенциал) является в XXI веке ключевым фактором конкуренции. А мы должны чётко понимать, что глобальное сотрудничество, необходимость которого ещё раз подчеркнула пандемия, никак не избавляет от глобальной конкуренции.

Однако конкуренция не отменяет необходимости международного экономического сотрудничества, актуальность которого существенно возрастает. Многие страны сталкиваются с проблемами финансирования своих социальных обязательств и исполнения долговых платежей. И развитые страны должны быть готовы оказывать поддержку ради обеспечения глобальной социальной и финансово-экономической стабильности. Минувшие месяцы показали готовность различных стран и международных организаций к кооперации и взаимодействию в противостоянии вызовам. Международными организациями заявлены существенные финансовые обязательства в целях борьбы с пандемией. Так, к примеру, представители «Группы двадцати» обещали выделить в общей сложности порядка 5 трлн долл. США в целях поддержки национальных экономик стран-членов.

Хотя введение различными странами мира ограничительных мер в торговле товарами и услугами подорвало функционирование международной торговой системы и цепочек добавленной стоимости, в соответствии с договорённостями G20 и АТЭС, рекомендациями ВТО и ВОЗ ограничительные торговые меры, принимаемые в целях борьбы с последствиями пандемии, должны быть адекватными и носить временный характер. Пандемия также оказала воздействие на формирование торговых соглашений: реализация соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли отложена, временно приостановлены переговоры по соглашению о свободной торговле между ЕС и Великобританией. Под угрозой выполнение первой фазы торговой сделки между США и Китаем.

России в таких условиях целесообразно придерживаться принципов свободной торговли, безусловно, с учётом объективных требований по защите безопасности жизни и здоровья, обеспечения наших национальных интересов. Стимулировать развитие цифровой торговли при условии обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. На пространстве ЕАЭС современные вызовы будут способствовать организации сотрудничества в области здравоохранения и выработке механизма совместного реагирования на эпидемиологические вызовы в условиях единого мобильного рынка труда. Самое время активно развивать дистанционное взаимодействие между медицинскими учреждениями России и стран – партнёров по ЕАЭС. Расширять присутствие российского образования в странах ЕАЭС путём подключения их вузов к дистанционным программам или отдельным мероприятиям российских учебных заведений.

И, наконец, может быть, самое *неотложное*, а потому – наиболее *важное*. Помимо восстановления экономики, наибольшие трудности властей будут связаны с организацией текущей жизнедеятельности человека, её безопасностью. Страны, которые постепенно выходят из карантина, справедливо волнуются, как коронавирус отразится на жизни крупных городов. Перед управленцами разного уровня возникают вопросы, которые были немыслимы ещё в недалёком прошлом. Как в условиях присутствия вируса с высокой контагиозностью обеспечить людям возможность безопасно и свободно перемещаться, ездить на работу и ходить в магазины? Нужно ли требовать соблюдать социальную дистанцию, носить маски? Ведь все эти меры, будем говорить честно, вносят в нашу жизнь массу неудобств. Некоторые страны уже сейчас намерены пойти весьма жёстким путём и ввести так называемые «паспорта здоровья», которые позволят своевременно выявлять инфицированных туристов и гостей, прибывших в страну, или «иммунные паспорта», присваиваемые переболевшим коронавирусом гражданам.

Желание властей утвердить или сохранить те или иные правила новых социальных отношений между людьми вполне понятны: долгое противостояние вирусу и медленная победа над ним даются слишком большой ценой. Однако здесь важно найти баланс между интересами государства и человека, его гражданскими правами. Не спровоцировать панику и недовольство среди людей (социальные протесты в США и ряде других государств это доказывают со всей очевидностью). Правильно опираться на опыт других стран, если он положительно себя зарекомендовал даже на первых стадиях внедрения.

Думаю, что ООН и Всемирная организация здравоохранения могли бы предоставить площадку для обсуждения ведущими экспертами мер, которые позволят обеспечить безопасную жизнь людей и при этом не допустить взрыва социального недовольства.

Коронавирусная инфекция, с которой мы столкнулись, уникальна, так как напрямую затронула все сферы нашей жизни. И в этот трудный период именно прозрачность является главным условием выживания. Нужно делиться научной и практической информацией, навыками, различного рода технологическими решениями. Государства и люди должны объединить усилия, оказывать друг другу взаимную поддержку и помощь настолько активно, насколько этого требует ситуация. В наших общих интересах – как можно скорее оставить в стороне ненужные споры и противоречия. В романе Альбера Камю «Чума» говорится, что сама по себе хроника борьбы с бедой «не может стать историей окончательной победы. А может она быть лишь свидетельством того, что следовало совершить и что, без сомнения, обязаны совершать все люди вопреки страху с его не знающим устали оружием».

Поэтому только самое тесное сотрудничество позволит нам победить вирус, который никуда не ушёл и по-прежнему является общим врагом всего человечества.